

Дем
Михайлов

ПЕРЕКРЕСТОК

ОДИНОЧЕСТВА

Часть 1

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Иллюстрация на обложке — *Елена Скиталец*

Михайлов, Дем.

М69 Перекресток одиночества. Часть 1 / Дем Михайлов. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-172131-2

Чужой заледеневший мир, воздушная тюрьма, кружащаяся вокруг исполинского ледяного Столпа, сотни узников, заброшенные сюда без суда и следствия, обреченные на одиночное заключение. Именно сюда угодил тот, кого позднее назовут Гниловозом — обычный человек из нашего мира, обладающий рядовыми способностями. И первое, с чем он столкнулся, придя в себя, — погруженное в темноту промерзшее узилище и торчащий из стены железный рычаг. Так начался его путь в мире Столпа...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172131-2

© Михайлов Д., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Часть первая

СТРАХ

Глава 1 СКУЛЕЖ

Дрожа, клацая зубами, обхватив согнутые колени, я освободил на секунду левую руку и подтянул к себе задрезжавший пакет с мусором. Подтянул бережно. Пакет важен — ведь он был со мной, когда все это началось.

Пакет с мусором был со мной, когда началась эта безумная история, закончившаяся здесь — в ледяном мокром мраке, переполняющем меня ужасом...

А это мысль — вспомнить все с самого начала. Проследить цепочку событий. Главное, отбросить сейчас всякую потустороннюю чушь и мыслить здраво. Это мое единственное спасение.

Голова болит. Во рту сухо. Вспоминать тяжело, похмелье долбит в виски раскаленными молотками, к горлу подкатывает тошнота. Думать не хочется. Но вспомнить надо. Там особо и вспоминать нечего.

Весь этот бред начался часов семь назад...

И начался он как один из обычных моих вечеров.

Я человек в меру успешный. В свое время поднялся с низов. И низы — это когда в холодильнике ничего, кроме хлеба и луковицы репчатого лука, в гардеробе затасканные штопаные джинсы, застиранные футболки сероватого цвета, а в ванной брусок хозяйственного мыла выступает сразу во многих ипостасях — стиральный порошок, мыло для тела, шампунь и гель для бритья. Зато жить было интересно. Интересно было рваться, выкладываться по полной программе, стремиться изо всех сил вверх, к сверкающему богатому будущему.

Своего я добился.

Стал обеспеченным в тридцать пять. Имею стабильный пассивный доход. Мне больше ничего не надо делать. А учитывая достаточно скромные запросы, по сию пору мои расходы меньше доходов. Так что я понемногу богатею каждый день.

И жить стало неинтересно.

Женщины? Имеются такие в моей жизни. Скучающие красотки средних лет, не хотящие обременительных долгих отношений. Я их желание полностью разделяю.

Путешествия? Много где побывал. Есть еще непосещенные страны. Но я быстро понял, что если ехать — то ехать дикарем, а не в качестве гостя дорогого отеля. Иначе ничего не увидишь — одна-две экскурсии с болтливым гидом не в счет.

Хобби? Есть. Собираю марки и редкие книги. Поначалу весьма увлекся этим делом. А потом понял, что это просто еще одно вложение денег в надежную сферу. Интерес угас.

И я стал пить.

Пить дома и в барах.

Немного.

Сидя дома, мог уговорить пол-литровую бутылку водки за просмотр старых фильмов с Челентано и Бельмондо.

Сидя в баре, выпивал чуть больше.

Так проходил день за днем. Я медленно стал замечать, что в моей жизни все меньше женщин, спорта и книг, зато все больше алкоголя. Но мне было все равно. Жизнь удалась. Мне не требовалось думать о завтрашнем дне.

В тот день я проснулся поздно даже по моим неторопливым меркам — к пяти вечера. Неохотно встал. Немного привел себя в порядок. Сгрел в мешок весь мусор со столика. Еда, остатки алкоголя, запивон. Одедся, прихватил немного наличных. И вышел из квартиры. От подъезда к мусорке направо. А я почему-то свернул налево и, пройдя один или два дома, заскочил в хорошо знакомое мне питейное заведение «У Тохи». Сам Тоха — Антон Палыч, но не Чехов, мужик под пятьдесят, всегда серьезный и спокойный, был за барной стойкой. Туда я и сел. А мешок с мусором опустил под ноги. Антон дернул бровью, но промолчал. Просто налил мне водки, поставил рядом апельсиновый сок и миску с соленым арахисом. Люблю я этот странный микс... глоток водки, глоток сока, горсть орешков... Иногда просто смешивал водку с соком и потягивал сладкое пойло.

Вечер тянулся как всегда. Я глядел в телевизор, потихоньку накачивался водкой. Где-то к полуночи засобирался домой, с удивлением осознав, что весь вечер провел в компании с мешком мусора. Я потянулся за деньгами. И тут ко мне подсел он...

Кто он?

Обыкновенный мужичонка. Небритый. Со скверной бюджетной прической. Одежда старая, но чистая. Лицо неприметное. Глаза вроде зеленые. Я уже был пьян.

И ведь я собирался уходить... но мужичок подозвал Антона и заказал практически то же, что и я. Только вместо апельсинового сока он выбрал натуральный клюквенный морс. Я вдруг захотел попробовать на вкус водку с клюквой. Столько лет потребляю различные коктейли, а вот с клюквой водку еще ни разу не пил. И я попросил мне того же. Мужичок глянул на меня. Я ответил взглядом на взгляд. И мы разговорились...

Через полчаса мы успели выпить клюквенные коктейли и обсудить всякую ерунду. Футбол, политика, погода, дороги, женщины. Стандартный набор барных тем. Ничего серьезного. Словесная жвачка, убивающая время и придающая видимость смысла пьяному разговору.

А затем разговор вдруг свернул на другие темы. Мы заговорили о жизни. Об интересе жить. И я, закусив вдруг удила, с удивительной откровенностью признался, что давно потерял интерес к жизни. Нет-нет, я не самоубийца, жить буду и дальше, вот только серо как-то все вокруг. Ничего, никого и никуда не хочется. День пролетает за днем.

Но ведь я хочу! Хочу жить! Вот только не так — не в праздном спокойствии многого добившегося человека.

Я хочу рваться! Хочу биться! Я... хочу выживать! Хочу вернуть те старые деньки, когда приходилось прогрызать себе дорогу, пробивать ее кулаками, отпихивать и расталкивать локтями соседей.

В те дни любая моя ошибка, любая слабость, любое потакание себе могли мне дорогого стоить. И я держался. Ограничивал. Бился. Старался. И вот добился... и жить стало скучно.

Вернуть бы те деньки!

Но как?

Начать все сначала? Раздать имущество и деньги неимущим, уехать в другой конец необъятной страны и там начать все с чи-

стого листа? Признаюсь — думал об этом безумии. Но ведь это глупо... и это все равно не то. Потому что сумею опять же встать с колен, сумею опять заработать денег. Ведь свой опыт и знания я здесь не оставляю — увезу с собой, и там они быстро помогут мне. Я всегда старался быть универсальным. И у меня получилось. А когда получилось... мои умения парадоксальным образом стали балластом. Ненужным мне залогом успешности.

Да.

Такой вот я странный.

Другие люди жили рвут, чтобы добиться успеха и финансовой стабильности. Те, кто добился, — живут припеваючи, наслаждаются жизнью и боятся лишь одного — возвращения плохих деньков.

Я же мечтаю о тех днях, когда из всех разносолов у меня был только лук, растительное масло и соль. Ну, может, еще драгоценная пачка дешевой лапши, сберегаемая на конец недели.

Не знаю, почему меня потянуло на такую откровенность. Но я выложил все, что бурлило, кипело или просто гнездились где-то глубоко-глубоко в моей душе. Выложил все как на духу. С предельной откровенностью.

Само собой, я ожидал удивления на лице собеседника. Еще бы! Богатый мужик средних лет и с неплохой фигурой плачется о том, как ему плохо оттого, что у него все хорошо. Он либо зажрался, либо потерял связь с реальностью, либо просто потихоньку спивается и вот-вот скатится на дно, после чего получит то, что хотел, — нищету.

Но нет.

Меня внимательно выслушали. С пониманием покивали. Согласились с тем, что мужик должен оставаться мужиком. Должен каждый день рвать жилы ради достижения некой далекой и крайне трудной цели. Каждый день! Что очень плохо, если цели больше нет. Очень плохо, когда один сытый день сменяется другим сытым и пустым днем.

Я не ожидал такой реакции. Более того — это было не поддакивание. Всем своим нажитым внутренним чутьем я ощущал — мужичок говорил правду. Он действительно разделял мою точку зрения.

Чего я не ожидал еще больше, так это более чем странного вопроса.

Вопрос прозвучал буднично, произнесен был обычным невыразительным тоном.

И звучал примерно так: «Появись шанс оказаться в очень трудной ситуации, где придется приложить немало сил для того, чтобы остаться в живых... я бы согласился?»

По въевшейся привычке взяв паузу в несколько секунд, я покал во рту клюквенный сок, сдобренный водкой, и кивнул.

Да. Согласился бы.

«Даже зная, что возврата назад не будет? Зная, что не смогу вернуться назад к прежней сытой жизни?»

Еще одна короткая пауза. И еще один кивок.

Да. Согласился бы. При условии, что тамошняя жизненная ситуация действительно окажется необычной.

Мужичок заулыбался, мы стукнулись бокалами. А затем он глянул на дешевые наручные часы и заспешил. Ему пора. Уже опаздывает. Но он очень рад нашему знакомству. Очень рад. Мы обменялись рукопожатием — я удивленно отметил его неожиданно крепкую хватку. Пальцы жесткие, можно сказать, стальные. Чувствуется — стоит ему захотеть, и он сомнет мою кисть небрежным усилием. А ведь я тоже парень не из слабых...

Мужичок ушел.

Оставшись в одиночестве, я заказал еще немного водки. Выпил. Запил клюквенным соком. Расплатился по счету. И, попрощавшись с Антоном, пошел на выход, не забыв прихватить мешок с брякающим мусором.

Под мелодичный звон колокольчика за мной закрылась дверь.

Кто-то толкнул меня в спину. Мягко, но сильно. Оборачиваясь, я невольно сделал два шага вперед. Чтобы удержать равновесие и не рухнуть на асфальт. Сзади стоял тот самый улыбающийся мужичок. Он поднял руку в прощальном жесте и сказал:

— Постарайся выжить. И помни — выбор за тобой.

Сказать что-то в ответ или просто выругаться, обматерить за глупую шутку я не успел. Меня накрыло серым холодом. Именно так — серым холодом. Перед глазами разлилась серая туманная мгла, что обожгла кожу зимним холодом. Короткое ощущение падения. Легкая паника. И подошвы вновь утыкаются в твердую поверхность. Стою. А вокруг чернота...

Через миг меня скручивает рвотная судорога. Падаю. Колени с плеском уходят в ледяную воду. Меня выгибает. Рвота рвется из горла фонтаном. Меня корежит. Трясет. А затем в мозгу взрывается белая вспышка... и сознание милосердно покидает меня...

Очнувшись, я засмеялся.

Не каждый день напиваешься настолько сильно, что вырубаться в наполненной холодной водой ванне, а подсознание подкидывает столь пугающие сновидения. Почти наверняка жестокая простуда обеспечена. Надо завязывать с алкоголем. На губах вкус клюквы и рвоты. Ужасное сочетание. Вытянув руку, я попытался нащупать край ванны, чтобы ухватиться за него и подняться. Но пальцы нащупали пустоту. В следующий раз надо хотя бы свет в ванной включенным оставлять. Я вытянул другую руку — к другому бортику, где были установлены вентили. Глупо вылезать. Надо включить подачу горячей воды и хорошенько отогреться, попутно раздеваясь и бросая одежду на пол. Согревшись, выберусь, приму несколько таблеток «Алка-Зельцера», сделаю легкий коктейль, прихватчу планшет и вернусь в ванну еще на часик. Отмокну. Воды бы еще выпить литра полтора. И прямо сейчас. Губы пересохли от обезвоживания, распухший шершавый язык еле ворочается. Пока размышлял, рука слепо шарила в темноте. И не нащупал ни бортика ванны, ни вентиля, ни обложенной красным кафелем стены. У меня большая ванна. Но все же не настолько...

Упавшая ладонь плеснула в обжигающе холодную воду. Пальцы заскользили по твердой шероховатой поверхности. Щербинки, сколы, широкие трещины. Я лежу на бетоне... на старом потрескавшемся мокром бетоне. Такого пола в моей квартире нет. Я не дома... да у меня в гараже покрытие на полу в разы лучше, чем это убожество.

Первый раз плеснулась в душе паника.

Плеснулась. Затихла. И черным гейзером взорвалась у меня в мозгу.

Где я?!

Я рванулся. Начал вставать. Слепо взмахнул рукой в тщетной попытке зацепиться за воздух. Неожиданно рука ударилась о нечто куда более крепкое и жесткое. Что-то вроде трубы, в которую я мигом вцепился и потащил себя вверх. Со скрежетом труба пошла вниз. Я опять рухнул в лужу. До ушей доносится отчетливый щелчок. Через секунду труба ушла обратно вверх, утягивая меня с собой.

Спустя миг произошло сразу несколько событий.

Я оказался на ногах.

Послышалось далекое гудение. С двух сторон. Это я расслышал совершенно точно.

А затем крошечная темнота превратилась в багровый сумрак. Над моей головой зажглись две огненные щели, пахнуло теплом. Волна тепла ударила и по ногам — опять же с двух сторон. Тяжелое мрачное освещение вернуло мне зрение. И я увидел сначала одну, а затем и вторую стену. Коридор. Я стою в широком тускло освещенном коридоре. До другой стены метра три с небольшим. Может, это комната? Но я вижу только две стены слева и справа от себя. Позади темнота. Впереди темнота. Мне в спину и в лицо дышит сухое тепло. А ноги от ледяной воды уже онемели, сейчас сведет судорогой.

Заметив недалеко возвышение правильной формы, рванулся туда. Опять едва не упал. Вернулась тошнота. Пришлось пригнуться и чуть постоять. Пока стоял, внезапно погасли огненные щели, исчезли потоки теплого воздуха. Ладно... медленно поведя рукой, нащупал трубу, потянул с усилием вниз, запоздало поняв, что это не труба, а мощный металлический рычаг, торчащий из стены. Послышался щелчок. Зажегся багровый свет. Ударили волны тепла. Ногам по-прежнему очень холодно. Я дернул рычаг еще раз. Он даже не пошевелился. Вернулся в верхнюю точку и там заблокировался намертво.

Схватив пакет с мусором, добрался до возвышения и забрался на него. Подтянул ноги к груди. Ожесточенно принялся растирать щиколотки, почему-то боясь снять обувь, — будто за короткое время в ледяной воде ступни уже успели посинеть, побелеть и умереть. Боялся увидеть гангренозные пальцы и узор черных вен по белой коже.

И зачем мусор с собой прихватил? Ведь это мусор...

Ошеломленное сознание впало в ступор. Осознал, что слепо пялюсь на промокшие джинсы и вообще ни о чем не думаю. Сколько я так просидел? Пару минут?

Словно услышав мои мысли, освещение исчезло. Прекратилась подача теплого воздуха. И сразу стало холоднее. Заклацав зубами, я высвободил левую руку и подтянул к себе мешок с мусором.

Меня окружает ледяной черный ад.

Надо собраться с мыслями.

Надо прийти в себя. Прекратить совсем несвойственную мне истерику, откинуть ненужные сейчас эмоции.

Для этого надо сделать следующее — перестать сидеть и начать действовать.

Есть ли у меня проблемы?

Море!
Я в море проблем!
Чтобы не барахтаться, надо выбрать самые насущные и в первую очередь сконцентрироваться на решении именно их.
Что мне мешает?
Тут и думать нечего.
Меня жутко тревожило отсутствие света и тепла.
Тревожило собственное физическое состояние — меня начало трясти, и это не только мандраж. Это и переохлаждение.
Меня тревожил холод и ледяная вода.
И меня жутко тревожило то, что я не знаю, где нахожусь. Что это за место?
Мелькнул еще один вопрос — а реально ли все это?
Но вопрос мелькнул и тут же пропал — причем навсегда. Уж в этом я был уверен твердо. Уверен полностью — меня окружает реальность. Я не в коме. Я не в наркотической галлюцинации.
Это реальность.
А худшее, что может сделать любой настоящий мужик, — это попытаться отвергнуть реальность. Не получится. Реальность даже не заметит твоей попытки, а потом сделает тебе очень больно.
Проблемы... их решение...
Проблемы... их решение...
Соберись. И начинай действовать. Немедленно.
Чтобы было легче — сфокусируйся на том, что решить быстрее и проще всего.
Ощупав штанины, отжал их. Стажил обувь и носки. Выкрутил носки. Положил их на колено. Вытряхнул влагу из обуви. Протер ее изнутри носками. Отжал носки еще раз. Повторил процедуру с обувью. Вытянув руку, нащупал стену и подошвами вверх положил рядом с ней легкие туфли. Может, чуть просохнут. Потом надо не забыть перевернуть подошвами вниз, чтобы остаткам воды было легче испаряться. Отжав носки третий раз, протер ими задубевшие ноги. Принялся растирать голени, разминать их. Вскоре стало теплее — кровоснабжение восстановилось в полном объеме. Пошевелив зябнувшими пальцами ног, начал расстегивать рубашку.
Попутно пытался оценить температуру вокруг себя.
Если верить моим ощущениям — около нуля по Цельсию. Может, чуть-чуть ниже. Вряд ли выше. В воде был лед, это я отчетливо помню. Довольно толстые куски и пластины. Но была и вода. Причем

пресная — ее немало попало мне в рот. Затхлая, но пресная. Даже думать не хочется, сколько всякой гадости я проглотил вместе с водой.

Ноль по Цельсию. А я в мокрой легкой одежде. С пустым желудком. Просто отлично. Еще не хватало таблички над головой: «Желаю умереть от пневмонии в расцвете лет!».

Выжав рубашку, остался в джинсах и трусах. Их пока снимать не стал. Неизвестно, как обернется ситуация. Если сейчас сюда ворвутся журналисты с камерами или кто похуже, не хотелось бы предстать перед ними в чем мать родила.

С одеждой закончено.

Пора добавить чуть тепла. А значит, снова придется в темноте лезть в ледяную воду. Бедные мои ноги. Спускаясь с возвышения, ненадолго заколебался — не дай боже напорюсь босой пяткой на иззубренный кусок стекла. Мне только борьбы с обильным кровотечением не хватало в спартанских условиях. Плюс кровопотеря вызовет еще более скорое замерзание. Но страхи не могли решить моих проблем. Я опустил ступни в ледяную воду. Обожгло как кипятком. Я невольно застонал сквозь стиснутые зубы и заторопился вперед, выставив перед собой руки и шагая по памяти.

Раз шаг. Два. Три. Еще один маленький... рука натывается на рычаг. Я тяну его вниз.

Щелчок.

Я спешу обратно, не дожидаясь, пока посветлеет.

И тут же получил сокрушительный удар по мизинцу правой ноги. Вскрикнув, запрыгал на месте, поджав ушибленную ногу. В багровом свете вижу лежащую на полу гирю, о которую и ушибся. Солидная такая гиря. Не меньше пуда. Оценив ее местонахождение, решил убрать с пути между возвышением и рычагом. Схватив за ручку, тащу с собой и ставлю чуть в стороне. Взбираюсь на возвышение и выпрямляюсь во весь рост, держа над головой расправленную рубашку, подставляя ее под гудящие потоки теплого воздуха. Хорошо выжатая рубашка выгибается парусом то в одну, то в другую сторону, трепещет на встречных ветрах. Когда ее выгибает особенно сильно, часть воздуха отклоняется вниз, накрывая меня блаженным теплом.

Я безмолвно шевелю губами, высчитывая секунды, а затем и минуты.

Примерно через три минуты освещение потухло, потоки горячего воздуха иссякли.

Три минуты. Да они издеваются.

Пока вокруг меня был желтовато-багровый сумрак, а не крошечная темнота, удалось кое-что подметить. Если точнее — подметить удалось очень многое, но пока я привычно отсекаю ненужное. Нужно сфокусироваться.

Что я имею насчет света и тепла?

А то, что это полный беспредел — ради того чтобы получить немного тепла и света всего на три минуты, мне приходится лезть в ледяную воду, дергать за рычаг и еще возвращаться обратно. И путь туда мне приходится преодолевать в темноте. Мизинец на ноге саднит до сих пор — а ведь мог и сломать его о чертову гирию.

Процесс понятен. Просто и жестко. Хочешь тепла и света — дергай за рычаг раз в три минуты.

Процесс надо оптимизировать.

И благодаря ушибленному мизинцу, легкому ходу рычага и замеченной на стене удивительной вещи я, пожалуй, смогу немного облегчить себе жизнь.

Встав, нащупал стену и заскользил по ней осторожно ладонями. Пальцы миновали крохотные ниши, задев несколько мелких предметов. Они мне пока неинтересны. Я остановился, когда наткнулся на искомое — несколько витков тонкой веревки. Самая настоящая веревка, висящая на вбитом или вставленном между странных почти квадратных кирпичей деревянном кольшке. Да. Именно так. Обрывок средневековой на вид веревки, деревянный кольшек, стена из странных кирпичей.

Голова пухла, хотелось есть и разобраться хоть немного. Но в первую очередь мне нужны тепло и свет.

Оценив длину веревки, с сожалением принялся снимать с себя ремень — не хватает чуть-чуть.

Еще через несколько минут я без колебаний сполз в ледяную воду и, прихватив с собой гирию, пошлепал к противоположной стене загадочного коридора. Нашупал рычаг. Примерился. Установил почти под ним тяжелую пудовую гирию. Дернул за рычаг. Дождался багрового света. Привязал к концу рычага веревку. Пропустил другой конец веревки через дужку гири и, держа его в руке, заспешил обратно. Взобрался на возвышение — которое уже успел рассмотреть и понять, что оно сложено из тех же кирпичей и является либо слишком высоким топчаном, либо слишком широким столом. Хорошенько растер ноги, обтер их носками, которые опять отжал и повесил сушиться.

И принялся ждать.

Через минуту свет погас.

Я выждал секунду и с мягким усилием потянул веревку. Она не поддавалась. Дернул сильнее. Эффекта нет. Выругавшись, сполз со стола и в несколько шагов оказался у рычага. Нащупал. Потянул. Из темноты донесся щелчок.

Зажегся свет.

С гудением пришли потоки тепла.

Вернувшись, принялся сушить рубашку, стараясь держать ее так, чтобы немалая часть тепла шла к моему озябшему телу. Простоял долго — еще четыре раза тянул за рычаг. Через четверть часа почувствовал наконец, как расслабились застывшие мышцы. Дышать стало легче. Ушел озноб. В коридоре обозначилась граница тепла — стоило опустить руку ниже стола, и сразу ощущался плещущийся там зябкий холодок.

Итоги?

Одежда почти сухая. Я согрелся, и меня больше не трясет. Опасность простудных заболеваний никуда не делась, а у меня нет лекарств. У меня нет теплой одежды. Благодаря рычагу я смогу поддерживать у потолка и над столом приемлемую температуру. Но я должен дергать за рычаг каждые три минуты. Пока все норм. Но я не машина. И мне нужен сон. Засыпать и просыпаться через каждые три минуты, чтобы дернуть за веревку, я не смогу.

Может, меня отсюда заберут раньше?

Кто заберет?

И нет — не заберут. Опять это странное внутреннее чувство, что я встрял сюда надолго.

Куда сюда? Не знаю. Но делаю все возможное, чтобы расширить свои познания о месте вокруг меня, не покидая при этом теплого кирпичного стола.

Как ни крути, но я вижу коридор. Очень широкий коридор. Почти напротив стола, на котором сижу, находится небольшая ниша с рычагом. В этой нише я очнулся. В этой же нише до сих пор колеблются на почти успокоившейся воде остатки моей рвоты. Багровое освещение огненных щелей выхватывает из темноты примерно шагов десять пространства. Вон до того участка стены вижу, а дальше нет... все вокруг темнеет, и я снова дергаю за рычаг.

Свет возвращается. Я удивленно замираю — он уже не настолько багровый и тусклый. Определенно стал ярче и ровнее, оттенок сменился к желтоватому. Почему? Я просто дернул за рычаг — как и до

этого. А тепло? Вскочив, я поднял руку... и удивленно хмыкнул — воздушные потоки определенно стали чуточку сильнее.

Событие меня так удивило, что я просидел неподвижным истуканом следующие три минуты. И был еще раз удивлен — спустя три минуты свет не исчез, потоки тепла продолжали сталкиваться под потолком и рассеиваться в стилом коридоре.

Четвертая минута подошла к концу...

Свет не исчез.

Пятая отсчитала секунды...

Свет и тепло все еще здесь.

Шестая...

И темнота явилась.

Я мягко потянул за рукоять. Щелчок. Свет вернулся. Такой же, как в прошлый раз — более яркий и не настолько мрачный. Столь же усилившиеся потоки воздуха щедро расточали тепло. По кирпичной стене медленно сползал исчезающий иней — выше он давно пропал. Да и с потолка порой срывалось несколько обжигающе холодных капель, шлепающихся мне на голову и плечи.

Так что же получается?

Я дернул за рычаг около пятнадцати раз. И получил прибавку в свете и тепле. Плюс вместо трех минут отопление и освещение работают целых шесть. Увеличение на сто процентов по длительности и процентов на двадцать в силе.

А если я дерну за рычаг еще пятнадцать раз — то получу ли очередной бонус?

Я проверю. Обязательно проверю. По разу в шесть минут... это девяносто минут. Вполне мне по силам. Тем более особо заняться и нечем.

Я задумчиво потер ладонь о ладонь и грустно засмеялся — почувствовал себя умной лабораторной крысой, помещенной в особые условия и подвергнутой эксперименту. Дернула крыса за рычаг — и вот тебе кусочек сыра.

Кстати, о сыре — что с едой?

И питьем?

Этими вопросами займусь чуть позже. Пока надо продолжить осмотр коридора. И пока что оставаясь на месте.

Освещение...

Поплепав пересохшими губами, поморщился и решительно подтянул к себе пакет с мусором. Короткая небрежная ревизия дала

мне почти пустую полулитровую бутылку с водой и едва початую упаковку апельсинового сока. Глотнув сока, допил воду, смывая приторную сладость с языка. Взглянул на огненные щели наверху.

Это не щели по сути. Просто выглядят так. Да и освещение едва заметно трепещет — отсюда ощущение того, что там полыхает огонь. Это вырезанные в стене длинные узкие проемы, забранные стеклом. Светильники крайне странные — как и все вокруг меня.

Свет моргнул и угас.

Я потянул за рычаг. Щелчок и вернувшийся свет дали понять, что на следующие шесть минут все в порядке. А какой интервал, интересно? Я дергаю за рычаг сразу же, едва только свет гаснет. А если дерну через минут пять? Исчезнет ли бонус? Сократится ли период света и тепла до стартовых трех минут?

А это что?

Подавшись вперед, сидя на краю облюбованного каменного стола, взгляделся в границу между светом и тьмой. Там в стене темнело пятно правильной квадратной формы. Что это?

От меня пятно шагах в десяти. Всего десять шагов. Но пол залит ледяной водой. И мне категорически не хочется мочить ноги. Я только-только отогрелся. Но уже чувствую влажность в носу и першение в горле. И это крайне неприятные для меня признаки. Если свалюсь с жесточайшей простудой и без медикаментов, да еще здесь, в этом аду... я просто умру.

Апельсиновый сок. Я сделал еще два глотка. Отставил упаковку. С бренчанием порылся в перепачканном пакете мусора. Отыскал недоеденные кукурузные чипсы. Высококалорийная пустая еда. Раньше я позволял себе пачку чипсов в неделю. В воскресенье — мой обычный наградной день, когда я сам себе торжественно вручал различные поощрительные бонусы за ударно прошедшую неделю. Сейчас же чипсы я себе позволяю куда чаще. И уже не читаю, сколько там калорий указано на упаковке.

Чипсы доел. Выбрал из пакета крошки. Отправил в рот. Мне нужно быть здоровым. А значит, нельзя допускать голода. Сытый человек куда лучше борется с подступающей болезнью. Что еще в пакете?

Недоеденный кусок колбасы. Дешевая. «Краковская». Половина кольца. Ее в сторону. А вот рыбешек из банки со шпротами я подъял тут же. Пальцем выскреб все до кусочка. Собрал каждую капельку пахучего масла. Сколько калорий я получил? Для легкого перекуса достаточно. Колбаса осталась на потом. Из съестного в пакете с му-

сором больше ничего. Там остались три пустые водочные бутылки. Стоп. Одна пуста только на треть. Внутри граммов триста водочки плещется. Рука сама потянулась к пробке. Нет. Отдернул руку. Отставил бутылку к упаковке с соком. Да, у меня похмелье. Да, мне страшно. Но я не буду пить. Нужна трезвая голова. К тому же водка может пригодиться на куда более важные дела — к примеру, для дезинфекции раны, если я на самом деле пропору себе босую ногу стеклом. С хлюпаньем допил остатки энергетика из трех баночек. Опустевшую тару убрал на край каменного стола. Ближе к ногам. Но выкидывать не стал. Остался большой мусорный пакет. Пустой и целый. Его пока что аккуратно сложил и убрал в карман джинсов.

Карманы...

Вывернув, устроил инвентаризацию. Но ничего не ожидая от ее результатов. Я не ношу в карманах ничего такого, что бы могло пригодиться в подобном месте.

Хотя...

Пять таблеток «Алка-Зельцера». В их составе аспирин. Уже какое-никакое лекарство.

Две таблетки «Антиполицая». Что в их составе, не знаю. Но за лекарства их лучше не считать.

Несколько тысяч рублей купюрами. Полтысячи железом.

Сотовый телефон. Промокший и мертвый. Не знаю, сколько я провалялся в той луже, но телефону хватило.

Потянув за рычаг, вернул свет и тепло на следующие шесть минут. И вскрыл телефон. Продул. Вытер полой просохшей рубашки каждую часть. Разложил их рядом между раздвинутыми упаковкой сока и бутылкой водки. Сверху сделал навес из частично развернутого мусорного пакета — чтобы не капало с потолка. Не верю, что телефон оживет. Но главное — попробовать.

Початая упаковка конфет «Меллер». Промокли, конечно. Частично размякли и расплылись. И плевать — в них много энергии. К колбасе их.

Одна запонка. С моими инициалами — Л. К. Где вторая запонка, не знаю.

Ключи от квартиры и машины. Там же от гаража. Пара брелоков. Банковская карточка.

Листки с расплывшимися телефонными номерами. На одном листке отчетливый отпечаток губной помады.

Полностью размокший бумажный мусор.

На этом перечень моего имущества заканчивался. Обычный набор мужчины, вышедшего выпить несколько коктейлей в ближайший бар. За минусом мусора.

Оценив богатства, повздыхал и, собрав все кучкой рядом с просыхающим телефоном, снова обратил взгляд на квадратное темное пятно на стене. Смотрел я долго. Двенадцать минут — два раза опускал рычаг. Похмелье чуть стихло. Забурчавший желудок переваривал смесь кукурузных чипсов, шпротов, апельсинового сока и энергетика. Получившая первую порцию энергии голова заработала чуть лучше. И вскоре я пришел к единственно возможному выводу — придется лезть в воду, если хочу узнать, что это за пятно маячит на границе света и тьмы. И это тем более интересно по той причине, что я отчетливо вижу странноватое поведение пляшущих на воде кусков льда, отчетливо белеющих в красно-желтом сумраке. Лед подпрыгивает, подрагивает и упорно жметесь к темному пятну. Понимающему человеку это говорит о многом.

Дождавшись, когда потухнет свет, дернул за рычаг. И медленно, но решительно сполз в воду. Не сдерживаясь, охнул от пронзающего холода и, стараясь не отрывать ноги от скользкого пола, пошел вперед. Как холодно... и ведь не привыкнешь. Только бы не пропороть ногу. Только бы не пропороть...

У меня в запасе чуть меньше шести минут. Если не уложусь — придется возвращаться обратно в темноте. И надеяться, что заминка не скажется на заработанном бонусе.

Я дважды чуть не упал. С трудом сохранив равновесие, добрался до цели. И обнаружил, что пятно — это квадратная дверь. Я бы сказал — люк размером полтора на полтора метра. И он не открывается, а сдвигается, судя по тому, как утоплен люк в стену. Двигается по направляющим. В наличии большая дверная скоба. На двери отчетливо виднеются страннейшие изображения, имеются и надписи.

У меня в запасе минуты четыре. Ноги застывают. Я их уже не чувствую. Стою по щиколотку в ледяной воде. А мне еще возвращаться обратно. Потрачу минуту на осмотр. Но сначала подниму плавающие на поверхности воды предметы — три полторалитровые пластиковые бутылки. Самые обычные полторалитровые бутылки. Этикеток нет. Внутри пусто. Пробки туго закручены.

Что за надписи на двери?

Тут ждал очередной сюрприз.

Большая часть надписей была не просто на непонятном мне языке. Хуже того — я даже не мог приблизительно сказать, к какой стране мира могут относиться такие языки. Удивительнейшие и сложнейшие символы... некоторые надписи выполнены символами, похожими на иероглифы. Вот тут вроде арабская вязь, но идет почему-то по наклонной от правого верхнего угла к левому нижнему.

А вот тут на русском языке. Слова вроде простые, но пугающие: «Упокой, Господь, души наши!».

А рядом тоже на русском: «Труды ваши не напрасны были!».

— Крематорий? — сорвалось у меня с губ.

И, очнувшись, я повернулся и рванул назад, с плеском шагая в воде окоченевшими ногами.

Едва успел. Только нащупал рычаг, и свет погас. Мягко потянул. Дождался щелчка и появления света. Успокоенно забрался на стол и взялся отогревать ступни, тихо матерясь сквозь зубы. Матерился и говорил любую чушь — лишь бы не было вокруг тишины. Из головы не уходило видение квадратного люка и пугающих надписей. На самом деле люк крематория? Космический шлюз, служащий для отправки тел умерших? Что там за люком? Не знаю. Пока не знаю. Но скоро выясню. Только сначала сделаю обувь, подходящую для местных условий. Для этого я воспользовался подручными материалами.

Для начала, очень стараясь не порезаться, разорвал банку энергетика. Скрутил ее так, чтобы с одной стороны получилась импровизированная ручка, а с другой — что-то вроде лезвия ножа, безбожно гнущегося и тупого. Но вполне способного разрезать пластиковые бутылки на тонкие ленты. Главное — не спешить и действовать предельно аккуратно. В лентах сделал дырочки на краях. В них пропущу полоски еще уже и завяжу. На ленты ушло три бутылки: одна найденная и две из мешка с мусором. Оставшиеся две бутылки открыл, понюхал. В одной раньше было пиво, в другой неизвестный мне, но явно фруктовый напиток. Бутылки чуть сжал, чуть смял, выпуская лишний воздух. Туго закрутил пробки. Надел носки на ноги. Приставил подошву левой ноги к одной из бутылок и при помощи пластиковой ленты примотал ступню к этой импровизированной «дутой» подошве. Держалось не очень. Но если не спешить — то лучше, чем ничего. Так же «снарядил» вторую ногу. На все про все ушло восемнадцать минут. Осторожно спустился в воду. Дождался, когда погаснет свет, дернул за рычаг, после чего, плавно ступая, зашагал к квадратному люку. И впервые за все это время ноги не касались ледяной воды. А стало быть, и не мерзли.

На этот раз я потратил время на осмотр не люка, а прилегающей к нему «местности» — стен и пола.

Первое открытие сделал сразу же — в темноте за люком имелась еще одна уже знакомая ниша. И в ней находился рычаг. Еще один рычаг. Дергать его я пока не стал. Кто знает, что он активирует? Сначала осматрюсь.

Кирпичные стены ничем не удивили. Надписи пока читать не стал. Глянул ниже. И, вздрогнув, резко отступил назад. Потерял равновесие, замахал руками, силясь не упасть в воду. С трудом удержался на ногах и замер, хрипло дыша и смотря на поразившее меня ужасное зрелище — приткнувшись к низу люка, в воде лежал труп.

Лежал на боку, лицом ко мне. Разинутый рот полон набившегося льда. Спутанные застывшие волосы скрывают лоб и глаза. Лицо раздуто. Скрюченные руки в воде. Ноги вытянуты и перекрещены. Ни малейшего намека на запах — при такой-то холодрыге это и понятно. Плюс льда набилось.

Чтоб меня...

Я невольно перекрестился — набожностью не отличался, просто машинальное движение немного испуганного человека. Всегда считал, что если Бог и есть, то его единственный дар — дар сотворения жизни — нам уже был сделан давным-давно, и все остальное зависит исключительно от нас самих. Поэтому крестись не крестись... Хотя сегодняшние события, мое страннейшее попадание сюда невольно добавили мне веры в мистическое.

Я стоял неподвижно не меньше двух минут. И дольше бы простоял — но вспомнил о рычаге. И рванул обратно, скребя бутылками-«ботами» по невероятно скользкому полу. Дернул за рычаг. Вернулся, держась рукой за стену. Вернулся со вполне созревшим решением отодвинуть труп от люка.

Причина?

Я услышал тихое хлюпанье. Такой звук издает всасывающаяся в сливное отверстие вода. Но хлюпанье сдавленное. Будто воде что-то мешает. Или кто-то — например, навалившийся на сливное отверстие труп.

Главное — сейчас не мешкать. Я мужик решительный. Но двигать раздутые трупы... обычным людям не каждый день приходится таким заниматься.

Схватился за штанину, уперся свободной рукой в люк и подался назад. Труп дернулся. Меня пробрала невольная дрожь. Еще раз!

Рывок! Я едва не упал. Мертвое тело поддалось и сантиметров на двадцать отодвинулось от люка. Едва слышное хлюпанье мгновенно стало гораздо громче. Заглянув в щель между трупом и люком, увидел ожидаемое — в полу имелась решетка, которую до этого бедром придавливал мертвец. К решетке пристал мусор. Придется еще немного отодвинуть труп и убрать оттуда налипшую дрянь. Теперь понятно, почему в коридоре скопилось столько воды — ей попросту некуда было деваться. Вот и рос медленно ее уровень. Правда, неясно, откуда вода сюда попадает, но этим вопросом займусь позже...

Выполнив задуманное, бросил пристальный взгляд на второй рычаг и поспешил обратно к столу, с удовлетворением слыша шум всасывающейся воды. Дело сделано. Возможно, больше не придется рисковать вывихом стопы, разгуливая с примотанными к ногам пластиковыми бутылками.

Проведя ладонью по лишившейся инея и начавшей просыхать стене, я удовлетворенно улыбнулся. И удивленно хмыкнул — мне нравилось это странное достижение. Мне нравились мои победы — мелкие и смешные победы в непонятном и жутком темном коридоре с рычагами. Пора уже волком бешеным выть и, скрежеща зубами, на стены кидаться, а я преспокойно двигаюсь от одной поставленной цели к другой. И при этом ощущаю себя невероятно воодушевленным, заинтересованным поставленными задачами, жаждущим их скорейшего и эффективнейшего выполнения. Все как в старые деньки, когда я каждый час ощущал вкус жизни.

А тут еще столько тайн. Столько ужасов...

Там, в темноте за вторым рычагом, мне почудилась еще одна стена. Если так, то мои худшие подозрения оправдаются — я не в коридоре, а в некоем помещении. И тогда останется выяснить только одно — заперт я здесь как узник или нет. И снова непонятная, неизвестно откуда пришедшая твердая уверенность — я заперт.

Откуда пришла уверенность?

Неизвестно. Но я уверен. Будто кто-то нашептал.

В этот раз я позволил себе посидеть на каменном столе подольше. Полчаса. Из-за банальной слабости — накатила внезапно. Похмелье и стресс слились воедино и победили адреналиновую вспышку моей активности. Я выпил еще немного апельсинового сока. Слишком сладко. Энергия лишней не бывает, но питьевая вода мне требуется срочно. Надо выводить из организма весь токсический мусор. А насчет туалета что? Не на пол же нужду справлять.

Впрочем, есть у меня уже догадки насчет отхожего места, хотя это несколько не вяжется с прежними моими открытиями.

Когда я в очередной раз потянул за рычаг, то уже знал — возможно, прямо сейчас мне дадут очередной бонус к свету и теплу. И к лимиту времени. Шесть минут все же маловато.

Надежды оправдались. После очередного щелчка пришедший свет был еще ярче. А вот поток тепла не стал сильнее. Но и текущее количество получаемого из неведомых источников тепла меня устраивало. Тут самое важное — избавиться от воды и льда. Дать коридору — или помещению? — просохнуть. И сразу станет теплее. Поэтому я ждал главного — сколько минут мне подарят на этот раз.

И снова предсказуемо — свет погас через двенадцать минут, если верить моему внутреннему отсчету. А что делать, когда спишь или отдыхаешь?

Я дернул за рычаг. Глянув вниз, улыбнулся. Разлившаяся по полу вода исчезла. Кое-где остались крохотные лужицы и мелкие ручейки, текущие к стоку. Пол покрыт черной грязью, скользкая склизкая пленка. Вскоре станет легче, пока же придется постараться не поскользнуться. Проверив обувь, я счел ее более или менее просохшей. Обувшись, спустился с возвышения и неспешным шагом направился к люку — теперь он был освещен куда лучше. Это же касалось и трупа — при усилившемся освещении он предстал во всем своем ужасе. Если я ничего не сделаю с подмерзшим мертвым телом, очень скоро оно начнет жутко смердеть. Нет хуже соседа по тюремной камере, чем покойник, — и не поговорить, и воняет жутко.

Испутив глубокий выдох, я сел на корточки рядом с трупом и заставил себя внимательно его осмотреть.

Мужчина. Бородатый. В возрасте — если судить по обильной седине в спутанных волосах и бороде. Среднего роста. Худощавый. Нет большей части зубов. На нем пропитавшийся грязью шерстяной свитер и джинсы. Толстые шерстяные носки. На одежде следы починки. На ногах самодельная обувь из пластиковых бутылок. Никаких видимых следов насильственной смерти. Но лицо застыло в муке и страхе — эти последние эмоции не стерли ни смерть, ни разложение. Я попытался определить национальность покойника, но не преуспел. Вроде европеец.

Карманы джинсов...

Ох...

Мне придется это сделать и тщательно проверить их. Вздохнув еще раз, я потянулся к заднему карману — там что-то определенно было. Довольно крупный предмет.

Им оказалась жестяная коробочка известнейших леденцов «Fisherman's Friend». Оригинальные экстрасильные. «Друг рыбака». Покойник был рыбаком? Сомнительный вывод — все любят мятные леденцы. Пока не стану гадать о его личности.

Жестянка закрыта тщательнейшим образом. Прямо тщательнейшим. То есть не просто закрыта. Стык крышки с коробочкой покрыт тонким слоем сначала расплавленного, а затем застывшего вещества. Не похоже на воск. Может, смола? Цвет коричнево-желтый. Все же пчелиный воск? Какая-то смесь? Где было взято вещество? И как он сумел его расплавить? Я пока не обнаружил в этом чертовом месте ни одной спички.

Убрал жестянку в карман. Продолжил осмотр. Больше не нашел ничего. Но понял, что одежда покойника не просто подвергалась починке, а, скорее, чинена-перечинена. На ней живого места нет. Заплаты наляпаны одна поверх другой. Все сделано аккуратно. Неспешно. Тщательно. Он заботился о своей одежде.

Я посмотрел на его руки. Да. Он заботился и о теле. Ногти аккуратно подстрижены. А борода — это еще не признак неряшливости. Как и длинные волосы на голове.

Поднявшись, я поспешил обратно. Дернул за рычаг. Шлепая по становящемуся все суше полу, вернулся к покойнику и люку. Дышать стало чуть тяжелее — теплота плюс обилие влажности вскоре устроят мне тут настоящие тропики. Надо убрать просыхающий телефон в пакет. И защитить от влаги остальные могущие пострадать вещи. Вернулся. Прикрыл пакетом пожитки.

Опять двинулся к люку. Я просто избегаю этой квадратной двери. Вот почему подсознательно выискиваю повод оттянуть миг, когда придется открыть железную дверь и увидеть, что скрыто за ней.

А раз так — пора принять волевое решение.

Забранное решеткой сливное отверстие с хлюпаньем втягивало воду. Нагнувшись, отбросил скопившиеся куски льда. Поднял с пола обрывок тонкой темной цепочки — вроде браслет. Возможно, из серебра. Цепочка порвана. Просматривается узор. Убрал в карман. И повернулся к люку. Взялся за скобу. И мягко потянул.

Люк поддался легко. И почти бесшумно, с едва различимым тяжелым рокотом откатился в сторону.

Я глянул и остолбенел. Сдавленно кашлянул.

Внутри было светло — сверху лилось желто-красное свечение. Его вполне хватало для освещения небольшого закутка размером со стандартную ванную комнату. Комнатушка где-то два на три метра. Может, чуть-чуть больше. Стены кирпичные. В потолке знакомая огненная щель тусклого светильника. Пол... вот пол необычен — мелкая железная решетка. В ячею с трудом пройдет мужской большой палец. В центре же квадрат решетки с куда более крупной ячейей — в такую и руку по плечо просунешь. С потолка свисает не слишком толстая металлическая цепь, достигающая решетки и разлегшаяся на ней парой петель, почти полностью прикрывших собой прикованный к ней тесак. Огромный мясницкий тесак — широкое плоское лезвие, закругленный конец, тонкая рукоять, приделанная к цепи. Также к цепи прикреплено обилие каких-то висюлек, сейчас просто висящих, но наверняка звенящих и мотающихся в то время, когда кто-то машет тесаком. Среди обилия утяжеляющего цепь хлама я отчетливо увидел несколько христианских крестиков — самых знакомых мне религиозных символов.

Главное же «украшение» комнаты, чье назначение я уже, как мне думается, понял, состояло из длинного двойного ряда черепов, прикрепленных к задней стене затылками и смотрящих на меня черными пустыми глазницами. Всего шестнадцать человеческих черепов. И у каждого на лбу намалеван символ. Вернее, цифра. У каждого своя. Я различил тройку, четверку, десятку. Остальные символы также наверняка являлись цифрами, но подобной письменности я не знал. Вот на лбу седьмого по счету черепа изображен треугольник с точкой внутри. Если это цифра семь — то на каком языке? Я знаю арабские цифры. Римские. А это какие?

Отступив, закрыл люк и пробежался глазами по покрывающим его надписям и рисункам. Бросил короткий взгляд на покойника. Передернул плечами. И шагнул ко второму рычагу. Взялся за него. Потянул. Тот и не шелохнулся. Заблокирован намертво. Проверил, но не обнаружил никаких механических помех вроде вставленного клина. Потянул еще несколько раз, но не преуспел. Либо загадочный механизм за стеной сломан, либо просто еще рано.

Я прошел еще три шага и остановился. По телу потянуло холодом. Здесь коридор не кончался, но дальше не пройти — все пространство затянато льдом. Длинный бугристый ледяной язык в полушаге от моих ног. Дальше он вздымается и переходит в ледяную

стену. Если и пытаться пробить путь, то только киркой. Подавшись вперед, провел рукой по льду. Ладонь стала мокрой. Глянув вверх, увидел в потолке у самой ледяной стены изгибающуюся и словно бы сплюснутую трубу, непрерывно исторгающую поток тепла. Этакий сплюснутый рупор, направленный вдоль коридора.

Здесь тупик.

Повернувшись, миновал люк и покойника, вернулся к базе. Свет погас. Дернув за рычаг, двинулся дальше. В ту сторону я раньше не ходил. Через три шага наткнулся на мокрую кучу мусора, лежащую у стены. Не останавливаясь, миновал ее. Обошел откинутый от стены лежак — узкий, металлический. На нем какие-то тряпки. Дальше. Идти дальше.

Еще пара шагов. И новый рычаг. Третий по счету. Даже не раздумывая, я взялся за него и потянул. Он не шелохнулся. Хорошо. Идем дальше.

Еще два шага. И я уткнулся в очередную стену. На этот раз кирпичную. Сплошную. Мокрую и холодную. Над головой мягко гудела вторая труба, посылающая поток благословенного тепла.

И здесь тупик. Ни малейшего намека на выход. Я убедился в этом после короткого, но тщательного осмотра, уложившись в несколько минут.

Вот и получен важный ответ — я здесь заперт. Выхода отсюда нет. Навалилось ли отчаяние? Оценив свое состояние, убедился, что нет и малейшего признака этого чувства. Даже похмелье пропало.

Что в этом конце коридора?

Две примечательные штуки — в задней тупиковой стене имеется небольшая железная дверка. Только голова в нее пролезет — если повернуть ее набок, но уши наверняка защемит. На дверке и стене множество символов и надписей. Стоило наткнуться на знакомые буквы, и я нашел нужную информацию.

«Святая кормильня».

«Еду дарующая труженикам истовым!»

«Кто работает — тот ест! Работает, когда келья в движении!»

Все ясно. Так я все же в странной тюрьме? В одиночной камере. А дверка в стене... Отсюда узники получают пищу.

Кто работает — тот ест? Всегда был согласен с этим утверждением. Но что подразумевается под работой тут? На ум приходят только рычаги — больше в этом месте заняться мне нечем. Не пол же подметать.

Келья в движении? Я не обладаю огромным словарным запасом. Но значение слова «келья» знаю. Это же что-то вроде той же тюремной камеры. Комнатушка жилая. В таких монахи обитали в монастырях. Затворники жили. Как комната может двигаться?

Важнейшее открытие сделано. Если система работает, если существуют загадочные тюремщики, то я не умру с голоду.

И уж точно не умру от жажды — это второе важнейшее открытие. Из стены торчала тонкая трубка — мизинец влезет. Торчала на высоте двух метров. Из нее лился тонкий ручеек чистой воды. Подступив ближе, вымыл тщательно руки, отметив, что вода не ледяная. Нормальная. Под такой вполне можно вымыться. Пока ограничился мытьем головы и умыванием. Отфыркиваясь, подставил ладони и, набрав воды, сделал глоток. Вкусная. Вкусная чистая вода, если верить ощущениям. Но торопиться не буду. Выпил еще воды и этим ограничился. Посмотрим, как через часок организм отреагирует на выпитую водичку.

Пошел обратно. Попытался дернуть за третий рычаг. Тот опять не поддался. Остановился у лежака. Над ним выступ в стене, сделанный неведомыми строителями явно специально и образующий узкую полку длиной в метр. На полке несколько предметов.

Жестяная большая банка.

Стеклянная банка.

Две бутылки темного стекла.

Все емкости закрыты.

Я забрал все. Подхватил с лежака тяжелую и мокрую насквозь тряпку. Это что-то вроде лоскутного одеяла. Но ткань наверняка безнадежно испорчена водой и гниением. Проверим. Под одеялом еще тряпки потоньше. Аскетичная постель. Прихватив тряпки, вернулся к базе. Дернул за рычаг, возвращая свет. Прошелся до второго рычага. Попытался дернуть его. Тот не поддался. Вернулся к столу.

Взялся за тряпки. Как можно тщательней отжал каждую. С радостью отметил, что ткань не расползается в руках. Но оставляет черные следы на ладонях и пальцах. Ладно. Делать так делать. Сняв рубашку, взял тряпки и прогулялся до «кормильни». Бросив тряпье под струйку воды, хорошенько потоптался на нем. Отжал. Намочил. Потоптался. Отжал. Намочил. Потоптался. Вода пошла прозрачная. Еще раз отжал.

Подойдя к лежаку, ладонью очистил его от пятен грязи. Набрал на него выстиранные тряпки. Расстелил их, чтобы высохли как

можно быстрее. Повесить некуда. Или я пока не нашел здесь крючков и веревок. Умывшись и вымыв руки еще раз, потопал к базе. Пора немного передохнуть и подумать. Заодно изучить найденные предметы. И осмыслить происходящее.

Банки и бутылки с лежака. В них обнаружилось продовольствие и питье. Жестяная банка битком набита сухарями. Стеклянная банка наполнена ими же на две трети. Темный ноздреватый хлеб. Еда. Глядя внутрь открытых банок, я испытывал большое облегчение. У меня есть еда. Углеводы, дающие энергию. Кто знает, заработает ли когда-нибудь та «кормильня». А благодаря сухарям и воде я могу продлить жизнь на немалое количество дней. Вот еще вопрос — как вообще отслеживать течение времени в камере, где нет окон и дверей?

В бутылках разное содержимое. В одной — вода. А в другой — вино. Красное сладкое вино с удивительно приятным запахом. Я бы сказал, с дорогим запахом. Ни на одной из бутылок нет этикетки.

Жестяная банка с сухарями украшена заводским изображением рыбы. Сельдь. Банка вмещает три килограмма. Я бы не отказался от такого количества засоленной рыбы. Витамины и прочее. И вкусно.

Как банки попадают сюда?

Ответ очевиден — так же, как я сам попал сюда в обнимку с мешком мусора. Даже обидно. Кто-то держал банку с сельдью, когда угодил сюда. А я мусор обнимал. Знай заранее и понимай неизбежность — потратил бы кучу денег, взвалил бы на спину тяжеленный рюкзак с теплой одеждой, медикаментами и едой, да еще бы в каждую руку по чемодану с инструментами, книгами и опять же с едой. И не забыл бы про сухой спирт и запас кофе и заварки. Но я, скучающий преуспевший мужик средних лет, всегда предпочитающий быть готовым к любым неожиданностям, попал сюда с мешком мусора...

Судя по найденным предметам, до меня здесь побывало немало людей.

Куда они делись?

А что тут думать? Вон оттаивающий труп лежит.

Вот туда и делись — умерли труженики истовые, как сам себя описал в надписи один из заключенных.

Ну, может быть, как кричала внутри меня трусливая надежда, есть шанс, что за «труд истовый» могут даровать свободу. Ну да... будем

надеяться, но не будем рассчитывать на такой исход событий. Черепа в той «клетке» за люком указывают на пожизненное заключение.

Куда делись трупы?

Так туда же и делись — в сортире их расчленили и утопили.

Вот так.

В этом я уверен абсолютно.

Все говорит об этом.

Та комната, судя по надписям и символам, является отхожим местом. Нужду там узники справляют.

Но иногда, когда старый узник умирает и на его место является новый, ему предстоит затащить труп предшественника в клетку, взяться за прикованный к цепи мясницкий тесак и хорошенько им поработать. Нарубить мертвеца на куски, что смогут пролезть в ячейу решетки. Голова не пролезет точно. Ее либо рубить... либо ждать, пока разложение возьмет свое, после чего очистившийся череп закреплять на «стене почета».

Вот так...

Да...

Вот так...

Если не хочу сдохнуть от вони разложения, если не хочу и дальше просыпаться в компании с трупом, мне придется пройти через это. Вдохнув запах сухарей, я плотно закрыл банки и отодвинул их подальше. Сейчас лучше ничего не есть — боюсь, в самом скором времени все выйдет наружу фонтаном рвоты. А вот немножко водки мне точно не помешает.

Я мужик крепкий. Решительный. Всегда этим гордился и пестовал эти качества в себе. Но трупы расчленять мне пока еще не приходилось. И на медика я не учился. И покойников редко видел. Так что мне придется нелегко.

Но я это сделаю.

Глотнув водки, утер губы. Разделся. Снял даже носки и трусы. Остался только в обуви. Постоял. Дернул за рычаг. Сделал еще глоток водки. И зашагал к трупу.

Я это сделаю.

И сделаю сейчас — пока он не начал вонять и брызгать оттаившей кровью. Хорошо, что я нашел место, где смогу принять душ и отмыться...

Я сделаю это...

Глава 2 ТРУПЫ И ЧЕРЕПА

Сказано — сделано.

Всегда гордился собой, когда мог в буквальном смысле повторить этот замечательный девиз.

Даже если дело касается расчленения трупов.

Дыша сквозь обрывок затхлой ткани, закрывавшей нижнюю часть лица, я стоял на краю решетчатого крупноячеистого квадрата и смотрел на темные пятна на прутьях. Последний кусок мертвой плоти проскользнул сквозь решетку секунду назад и канул в темноту.

Дело сделано.

Но что теперь сделать с головой?

Я скосил глаза и глянул на этот удар судьбы. Он глянул на меня, издевательски щеря рот, забитый еще не растаявшим льдом.

Нет, я понимаю и уважаю еще один девиз, гласящий «Смену сдал — смену принял». И смену я принял по идее со всеми традициями. И одна из здешних традиций — крепить черепа бывших узников на стену туалета. Если ли здесь хоть капля уважения к мертвым? Мало того что их по частям спустили в унитаз, так еще и головы на стену повесили, заставляя смотреть, как сменивший их на загадочном посту узник справляет нужду малую и большую. Будешь тут горбиться и охать во время испражнения, лопатками ощущая множество брезгливых взглядов, уставленных тебе в спину. Не знаю про загробную жизнь. Но не хотел бы провести вечность, глядя, как кто-то мучается кровавой диареей или запором.

Разрубить «свежую» голову, пропихнуть ее в решетку. Сорвать со стен черепа, раздробить, крошево — в решетку. Разве это не будет правильным поступком?

Не знаю.

С какой стороны посмотреть. Если предположить, что здешние узники проживали в среднем по десять лет... традиции вешать черепа на стены никак не меньше столетия.

Но я практик. Не вижу ценности в таких украшениях.

А еще я реалист и понимаю: гниение плоти — процесс небыстрый и очень запашистый. И если я оставлю отрубленную голову гнить, то окончательно отравлю свое и без того не слишком радостное здесь

существование. Самому вооружаться тесаком и начинать соскабливать с кости плоть и волосы, выковыривать глаза, срезать лицо, а затем вытряхивать мозги? Нет уж, спасибо. Это не то вечернее занятие, коим я бы хотел заняться, сидя в туалете.

Спохватившись, выбежал из клетки. Рванул к рычагу. Успел как раз вовремя. Когда вернулся, в голове уже созрело решение. Я взялся за тесак. Коротко поклонился глядящей на меня голове.

— Извини, незнакомец. Я нарушу традицию.

Не давая себе времени передумать, взмахнул тесаком. Оружие тяжелое. Брезгливость уже притуплена. Во мне одно только желание — как можно быстрее закончить начатое дело.

Я уложился в полчаса. Пришлось бегать к рычагу еще два раза. И клетка, как я решил ее официально называть, преобразилась. Не осталось черепов, не осталось отрубленной головы — все ушло через решетку. Вооружившись обрывком тряпки и двумя бутылками воды, тщательно вымыл решетку. Удалил каждое пятнышко. Жаль, нет хлорки — а то навел бы здесь стерильную чистоту. Закончив уборку, встал на решетку, присел и справил нужду, избавляясь от накопившихся токсинов. А заодно преодолевая вполне понятное нежелание испражняться туда, куда только что отправил бранные останки немалого количества людей. У меня нет выбора. Опять прошелся по решетке водой и тряпкой.

Когда вернулся к рычагу и опустил его, свет стал ярче. Нет. Скорее, желтее. Свет стал мирным, исчезла окончательно багровая составляющая.

Итак?

Двадцать четыре минуты?

Это уже что-то. Это уже действительно что-то. Учитывая накопившуюся усталость, мне срочно требуется отдых. Пусть и с интервалами. Зная свою выносливость, могу быть уверен, что для частичного восстановления и возвращения голове свежести мне хватит часа сна — пусть и с перерывами. Тут главное — проснуться вовремя. Я жутко не хочу возвращаться к лимиту в жалкие три минуты.

Наведавшись к трубке с водой, принял душ. Тщательно отскребся, отодрал грязь. Постоял под теплым потоком воздуха, высушивая кожу. Оделся. Взял с лежака почти просохшее одеяло. Принюхался. Затхлость никуда не делась. Подгнила все же ткань. Но она сухая и удерживает тепло.

Вскоре стало ясно, что я не ошибся с прогнозами — свет и тепло непрерывно оставались со мной целых двадцать четыре минуты. Отлично. Отлично. Можно рискнуть и позволить себе крохотный отдых.

Место для сна я устроил рядом с первым рычагом. Сложил на полу высохшие тряпки, уселся на них, укутавшись предварительно одеялом. Вытянул обутые ноги. Меня вырубало. Все плыло перед глазами. Но сначала проверю одну слабенькую надежду...

Собрав телефон, вжал кнопку включения. Выждал. Экран не зажегся. Вздохнув, разобрал устройство, убрал части под одеяло. И глядя на нависающий над головой рычаг, медленно опустил веки. Двадцать минут. Двадцать минут...

Меня ласково покачивает на теплых волнах. Тело расслабляется. Легкая дремота быстро переходит в глубокий сон. Я понимаю это на глубинном внутреннем уровне — засыпаю по-настоящему. Встать! Рывком пробуждаюсь, вздрагиваю, фыркаю, мотаю головой. Свет горит. Это самое главное. Широко открыв глаза, жду. Жду... жду... проспал примерно минут двадцать. Где-то так плюс-минус несколько минут...

Свет гаснет. Тяну за рычаг. Опускаюсь. Закрываю глаза, свет пробивается сквозь веки. Дремлю...

Я не допущу провала. Не допущу ошибки.

Перед тем как лечь спать, заметил раньше не увиденное — еще несколько надписей, расположенных прямо над рычагом. Они были скрыты буро-черной пленкой. Начав подсыхать, она частично осыпалась, и появились буквы. Отодрав пленку, я нашел несколько понятных надписей.

«Промедление с рычагом недопустимо!»

«Нет света — нет пищи!»

«Два по десять биений сердца у тебя!»

«Проспавший вернется в начало пути!»

«Лишь обнаженными руками! Только голыми ладонями!»

Последняя надпись настораживает и заставляет задуматься. Но голова не соображает. Все плывет.

Сердце стучит быстро. Думаю, после того как свет погаснет, у меня будет не больше десяти секунд, чтобы снова дернуть рычаг. Промедлю — вернусь к самому-самому началу.

Дремлю...

Дремлю...

Проваливаюсь...

Встать!

Дремлю...

Встать!

Вздрагиваю. Фыркаю. Мотаю головой. С ужасом понимаю, что я даже не дернулся — продолжаю спать! И просто вижу сон!

Встать!

Получилось...

По щекам себе, по щекам. Свет еще горит... свет еще горит...

Гаснет.

Дергаю рычаг.

Закрываю глаза.

Еще парочка таких «пересыпов» — и смогу продержаться несколько часов без сна. А в целом мне надо продержаться чуть больше пяти часов. После этого интервал должен увеличиться с двадцати четырех до сорока восьми минут. А это уже счастье. Вот только будильник... как же мне нужен надежный громкий будильник!

Надежда была на телефон. Но пока он не включился. Возможно, еще включится, но надеяться на это глупо. Хочешь или нет, но мне придется придумать надежную побудочную систему из подручных материалов. Для любой подобной системы нужна какая-то энергия. Не электричество, разумеется. Я даже сомневаюсь, что в горящем сейчас надо мной освещении используется электричество. Нигде не видел подобных ламп.

Из постоянно присутствующей у меня энергии в наличии только поступающая с неизменно постоянной скоростью вода из тонкой трубки, вмурованной в стену рядом со все еще неработающей «кормильней». Я попытаюсь придумать что-нибудь с этим источником энергии...

Придумать систему автоматического опускания рычага? В принципе все на поверхности — у меня есть гиря и веревка. После срабатывания рычаг поднимается и клинится в верхней позиции. Привязать веревку и пудовую гирию... Надо попробовать.

Но не сейчас. Нет. Сейчас мне надо попробовать заснуть.

А пока дремать...

Дремать...

Встать!

Свет еще горит. В голове немного прояснилось. Во рту пересохло. Пью воду. Свет гаснет. Рычаг! Облегченно закрываю глаза.

Пульсирующее в висках напряжение исчезло. Свет режет глаза сквозь закрытые веки. Могу прикрыть лицо краем одеяла, но горящий свет — это моя лакмусовая бумажка — потемнение означает беду. Означает — проворонил...

Предположим, телефон заработает. Но насколько хватит заряда батареи? Если выставить будильник на регулярную побудку и больше телефон не трогать, он проработает максимум сутки. Это если пребывание в воде не истощило заряд батареи. И если не было замыкания. Пока не проверю — не узнаю.

А пока дремать...

Дремать...

Яркая картинка, вспыхнувшая в мозгу, напомнила, как я заработал свой первый миллион. Незабываемый день. Все сам. Все своими руками. Все своей головой. Аккуратные пачки денег, ровным рядком лежащие на столе... купюры не слишком крупные, не слишком мелкие. Мои первые серьезные деньги. Ностальгическая картинка...

Не картинка... сон!

Я сплю!

Встать!

Встать!

С хрипом подрываюсь. Свет гаснет. Дергаюсь вверх.

Рычаг! Слышен успокоительный щелчок.

С оханьем поднялся. Хватит с меня снов. Не могу сказать, что выспался. Но только что я едва не облажался, пуская слюни на давным-давно заработанные и давным-давно потраченные приснившиеся деньги. Ради сладкого видения прошлого едва не подпортил свое будущее. Так дело не пойдет.

Выпрямиться, чемпион! Спину ровно! Щеки растереть! Воду допить! Марш умываться! Тебя ждет множество увлекательных дел!

Подобрал тряпье, аккуратно сложил стопкой на лежаке, предварительно убедившись, что он сухой. Очень тяжело понимать ценность имеющихся вещей, если у тебя их слишком много. Вот у меня сейчас почти ничего нет. И к своему имуществу я отношусь предельно бережливо. Разобранный телефон спрятал под одеяло.

Умылся. Выпил еще воды и набрал в бутылку свежей. А теперь вперед — надо попытаться узнать чуть больше об этом месте.

Начать я решил с коробочки оригинальных экстрасильных леденцов «Друг рыбака», принадлежавшей покойнику. Соскреб слой

вещества, прикрывающий стык. Поддел крышку и аккуратно ее открыл, отклонив голову назад и вытянув руки на максимальную длину. Вряд ли там опасный посмертный сюрприз. Но вдруг? Трудно не озвереть, оставшись навсегда в одиночной камере. Времени много. Злоба копится. Выхода ей нет. Вот и начинает играть злая фантазия — а давай сделаем опасную коробочку, чтобы испортить жизнь следующего сменщика.

Со звяканьем крышка откинулась и повисла на петлях. Ничего плохого не случилось. Чуть помедлив, наклонил коробочку и взглянул на ее содержимое.

Несколько бумажек. Перехваченная ниткой прядь русых волос. Больше ничего.

Дальнейший осмотр показал, что одна из бумажек является фотопортретом довольно симпатичной женщины средних лет. Фотография черно-белая, пожелтевшая и потемневшая, с одного уголка подмокшая, фотобумага удивительно толстая, по краю рубчик как у почтовых марок. Удивительно... разве в наш современный век печатают подобные фото? А в наше время вообще кто-нибудь делает бумажные фотографии? Мы живем в цифровую эпоху.

Лицо у женщины немного странное. Слишком уж толстая переносица. Трудно сказать наверняка, но прядь русых волос вполне могла принадлежать ей.

Покопавшись в памяти, вспомнил, что у обнаруженного и расчлененного мною мертвеца переносица была еще толще. Но тогда я это отнес на посмертные изменения. Я не помню подобных лиц ни у одного народа мира. Высокие скулы, миндалевидные глаза, столь толстая переносица... Редчайший признак обитателей какой-нибудь захолустной европейской рыбацкой деревушки, затерянной на побережье? Возможно. Гадать не хочу.

Еще бумажки.

Одна чистая. Это вырванный из блокнота лист без единой отметины карандаша.

Последняя бумага — это карта. Толстые неряшливые штрихи изображали уже знакомый мне коридор. Вернее, тюремную камеру. Мою тюремную камеру. Вот отмечено каменное возвышение. Вот тут три рычага. Здесь кормильня и вода. Отхожее место. А дальше... странно!

Там, где у меня на полу лежит толстенный бугристый язык льда, переходящий в стену, на карте показано пустое пространство. А за

ними едва-едва отмечено что-то вроде двух поворотов — очень похоже, что там два отходящих в стороны коридора.

Вот сейчас не понял...

Я в камере тюремной или все же в коридоре?

Ударив кулаком по столу, спрятал бумаги и фото в жестянку. Закрыл ее. Убрал под одеяло на лежаке. Дернул за рычаг и отправился в короткое путешествие. Пол подсох, воздух перестал быть столь влажным. На стенах медленно высыхала черная мерзкая пленка грязи. Мне нужно что-то вроде шпателя, чтобы счистить ее и посмотреть, нет ли каких подсказок. Это место богато своей пугающей историей. Тут вон целые хроники настенные. Надо только прочитать.

Люди со странно утолщенными переносицами. Древнего исполнения бумажные фото. Совершенно непонятные надписи на загадочных языках. Тут есть над чем поломать голову...

Ледяная стена.

Стена льда.

Как ни назови — препятствие серьезное.

Ледяная затычка, наглухо перекрывшая мне путь.

Глядя на преграду, я прикидывал свои действия. Лед таял. С тех пор как я постоянно дергаю за рычаг, температура в моей «келье» больше не опускалась. Лед растает. Рано или поздно он растает. Вот и отлично. Получается, мне нужно просто подождать. Окружающая среда на моей стороне.

Но...

Лед тает медленно.

За прошедшее время ледяной язык истончал. И чуть отодвинулся назад, оставив мокрые пятна. Вдоль стены идет тонкий желобок — и он наполовину полон талой воды, бегущей к стоку около люка. В одном месте небольшой затор. Нагнувшись, убрал мусор, брезгливо вытер руку — мусором оказался клочок длинных волос. Человеческих, разумеется. Вообще, глядя на окружающий меня бардак, который не мог быть вызван одной лишь только смертью моего предшественника, можно твердо заявить, что за чистотой он следил не слишком хорошо. Обрадованная исчезновением преграды вода с журчанием побежала дальше. Я же глянул еще разок на ледяную стену и пошел к туалету. По пути собрал всякую грязь. Скинул находки в решетку. Справил малую нужду. Покосился на тесак. Он бы неплохо подошел для рубки льда. Но его от цепи не оторвать так просто — уверен, что пытались и до меня.

Еще у меня есть пудовая гирия. Я смогу нанести ею пару десятков выверенных ударов по ледяному языку. И сделаю это. Но только не сейчас и по очень простой причине — подобный труд требует большого количества сил. Чем активней человек — тем больше сил он расходует. Потраченные силы требуют восполнения — еды. И вот с едой у меня большущая проблема...

Медленно и тщательно пережевывая откушенный кусок краковской колбасы, я задумчиво смотрел на выуженный из банки сухарь. В хлебе имелись мелкие вкрапления какой-то травы. Зеленоватые пятнышки щедро разбросаны по тесту. Какие-то специи? Наверное. В любом случае от сухаря не откажусь. С хрустом откусив, пожевал. Вкусно... правда вкусно. Многовато соли, на мой взгляд. Но вкусно. А трава добавляет пряности. Сам не заметил, как сжевал весь сухарь, а рука уже потянулась за следующим. Пришлось себя одернуть. Съеденного мне хватит на несколько часов.

До следующего часа X осталось совсем немного. Не стану тратить время на ожидание. Если смотреть на закипающий чайник, то он никогда не закипит. Еще одно верное выражение. Займись делом — и время пролетит незаметно.

Дернув за рычаг, открыл жестяную коробочку и взгляделся в карту. Вот тут крохотная отметка на одной из стен. Просто пометка? Или что-то важное? Отметка около лежака. Проверить несложно.

Проверил...

И наткнулся на настоящий тайник, скрытый за кирпичом. Стыки замазаны какой-то сложной смесью, пахнущей хлебом, пылью и смолой. Внешне ничем не отличается от остальных кирпичей. Когда лежак в поднятом состоянии, тайник вообще скрыт от взгляда. Нашел я его банальным методом тыка. Когда один из швов поддался, все стало ясно. Через минуту кирпич я извлек. Перед тем как запустить руку внутрь, осторожно заглянул. И увидел мешковину, перехваченную веревкой, скрученной из тряпки. Вытащив сверток, моргнул — мне в лицо ударил луч багрового света, исходящий из дыры в стене. Глянул внутрь еще раз и пораженно застыл — за кирпичной стеной виднелась толстая железная решетка, а за решеткой едва-едва заметно крутились две огромные шестерни. Да. Шестерни. Две огромные шестерни. Тихий металлический рокот сопровождал величественное кручение. Что за непонятный механизм? И получается, я нахожусь внутри него?

Маловато информации.

С выводами погожу.

Шестерни и решетка подсвечены багровым. Источник света непонятен. Вроде исходит откуда-то сверху.

Посмотрев еще немного, я аккуратно вставил кирпич обратно, закрывая тайник и обрывая доносящийся снаружи гул. Мигнувший багровый луч исчез. Чуть постояв у лежака, я пошел к столу, не забыв прихватить сверток. Попутно собрал расплзающиеся в руках ошметки мусора — выброшу при следующем посещении туалета. Я наведу в этом месте идеальную чистоту.

Шестерни. Решетка. Багровый свет. Медленное кручение... Рычаги...

Рычаги...

Вот единственная видимая мною связь внутреннего с наружным. Я регулярно дергаю за рычаг номер один. Дергаю послушно, как дрессированная обезьянка. А снаружи горит багровый свет и медленно кружатся шестерни... это все определено как-то связано воедино.

Я покрутил головой в зашкаливающем безумном восторге.

Каждый час добавляет новых загадок. И пока ни намек на хотя бы один ответ!

Сверток опустился на стол. Обвязан тщательно. При прощупывании очень плотный. Выглядит как туго перевязанная и довольно длинная колбаса. Узел поддался легко. Под чуть сыроватой мешковиной обнаружилось два прозрачных пакета. Сквозь пластик опознав несколько предметов, я удивленно хмыкнул. Не ожидал такого.

Первый пакет содержал следующий набор предметов.

Один советский паспорт. На имя Миклакова Сергея Никитича 1942 года рождения. С фотографии смотрел еще не достигший тридцатилетия коротко стриженный усатый парень.

Один российский паспорт. На имя Суворова Павла Александровича. 1996 года рождения. Молодой парень. Голубоглазый. Лохматая шевелюра.

Паспорт Луковии... на имя Уракагара Лудро Винича. 568 года рождения. С фотографии смотрит крепкий мужик лет сорока. Бородатый. Длинные волосы до плеч. Утолщенная переносица. На нем рубашка без воротника, ворот со шнуровкой.

Водительские права. Текст выдран с мясом. Остались корочки и наклепленная фотография. С нее глядит — я уже ожидал — крепкий мужик лет под сорок. Кустистые брови. Внимательный серьезный взгляд. Удивительно широкие ноздри. Мясистые губы.

Почетная грамота. Выдана Стеньке Парамонову в благодарность за усердную многолетнюю службу истопником в счетоводной конторе братьев Арамовых.

Наградной лист. На представление к званию Героя Советского Союза некоего Абдулова Тажира Борисовича. За совершенный боевой подвиг. Большое описание подвига. Пулеметный расчет. Героическая оборона высоты. Уничтожение большого количества вражеских солдат. Печать. Размашистая подпись.

Какая-то книжица. Непонятный текст. Буквы, причем знакомые, но вот складываются в полную несурязицу. Фото в наличии. Крепкий мужик чуть за сорок. Умное породистое лицо. Высокий лоб. Волосы зачесаны назад.

Крупного формата треугольная книжица. Реально треугольная. На второй странице рисунок, выполненный вручную. Изображает молодого широкоплечего парня, стоящего на поросшем цветами взгорке, поднявшего руку в приветствии и улыбающегося. Парень изображен в полный рост. Рисунок очень качественный. Но это именно рисунок, а не фотография.

Так...

Я помассировал затылок. Начался бред.

Советский и российский паспорта — ладно. Наградной лист — туда же, хотя вряд ли такой документ дадут тому, кого представляют к награде. Если ввести в уравнение временную линию, то все логично. Мы появляемся здесь по одному. Кто и сколько лет тут живет, подсчитать трудно, но, как бы то ни было, годы проходят. Время на месте не стоит. Даже грамота истопника вписывается в эту теорию.

Но вот паспорт Луковии? Это что за страна такая? Никогда не слышал.

А треугольный формат паспорта? С рисунком вместо фото! В полный рост! Он еще и рукой машет — я даже представил, как милиционер тамошний открывает документ для проверки и сразу добреет, видя улыбчивого парня, машущего приветственно рукой. Ага...

Бред!

И ведь все документы очень солидные. Качество бумаги. Исполнение. Печати. Подписи.

А это что?

Свиток!

Бумажный свиток. Буквы вообще непонятные. И текст идет под углом сверху вниз.

Получается, каждый из здешних узников, кто попал сюда с документами, сделал свой вклад в эту коллекцию. Собрание документов можно приравнять к мемориальной доске. Или к надгробиям. Еще от них оставались черепа — но с этой традицией я решительно покончил. Документы уничтожать не стану. И если однажды выберусь отсюда, то прихватю их с собой. Вряд ли удастся отыскать родственников погибших здесь мужиков. Но тот же Суворов Павел девяносто шестого года рождения не мог пропасть слишком давно. Кто-то ведь его ищет сейчас. Подали в милицейский розыск, ищут хотя бы могилку. А он очутился здесь, сколько-то прожил, потом умер и оказался спущен в туалет по частям. Жутко несправедливо. Если выберусь — отыщу его родственников и извещу. Чтобы души их не томились.

А меня кто-нибудь ищет сейчас?

Уверен, что нет.

Я всегда дистанцировался от приятелей и девушек. Не позволял сближаться с собой, не позволял втянуть себя в неизбежные дразги, скандалы, ссоры, измены и прочие «прелести» большой компании тех, кто уверенно называет себя настоящими друзьями. Поэтому никого не удивит, если я не выйду на связь в течение месяца. Я, бывало, и раньше уезжал, когда чувствовал, что телу и разуму требуется отдых.

Собрав документы, отложил их в сторону и взялся за перетянутую тремя резинками толстую пачку бумажных денег. Разноцветная кипа разномастной бумаги. В глаза сразу бросились треугольные купюры сине-зеленой расцветки. Думаю, их можно уверенно соотнести с треугольным паспортом.

Рубли советские. Купюра в двадцать пять. В рубль. Трешка. Еще рубль.

Рубли российские. Тут купюр побольше. Все мелочь бумажная затертая.

Луквы. Удивительное название для денежной валюты. Здравствуй, Луковия. Всего двадцать луквов в трех купюрах оранжевого и светло-зеленого цвета. На деньгах изображена женщина с пышной высокой прической и важно надутыми губами.

Деньги, стилизованные под бересту. Будто срезали с березы полотно коры, нарезали на одинаковые прямоугольники, после чего выжгли каллиграфическим почерком цифры и буквы.

Что в небольшом тряпичном мешочке?

Там горсточка монеток.

Чуть подумав, добавил к общей сумме собственные деньги. Пачка стала чуть толще. Бесплезная бумага. Но ведь сберегли же ее. Равно как и удостоверения личности.

А это что?

Среди монеток отыскались орден и медаль. За боевые заслуги. И за героическую оборону Луковии. Судя по внешнему виду и весу последней награды, она была отлита из золота. Медали начищены до блеска.

Встрепенувшись, вернулся к денежным купюрам и осмотрел их пристальней. Бумажки потертые, долгое время переходили из рук в руки. Надорванные края. Загнутые уголки. Пара неразличимых пометок карандашом. Чей-то телефонный номер, наспех написанный ручкой. А ниже пометка «отдать долг Саше». Потрепаны все купюры без исключения. Исполнение очень качественное. Это не на принтере распечатано для прикола. Пачка настоящих денег. Отбросив деньги, я сходил к рычагу, затем вернулся и, усевшись на стол, стиснул виски ладонями, глядя на лежащие у ног удостоверения и денежные знаки.

Нет таких стран, как Луковия. Не существует страны, где денежные купюры стилизованы под древесную кору с выжженными цифрами. Не помню современных государств, использующих треугольные паспорта и деньги. А мужчина и женщина с утолщенными переносицами? Странные имена? Рисунок в паспорте вместо фото — да еще и в полный рост! И с пригорком!

Если бы хоть в одной стране мира вместо фотографий в паспорта вклеивали рисунки владельцев... об этом курьезе знал бы весь мир. Уверен — на моей планете, в моем мире подобных паспортов нет. Равно как и страны Луковии. Я не спец. Но Луковия... нет такой страны.

И что теперь думать?

А ничего не думать.

Вернее — размышлять можно и даже нужно, но так, чтобы эти размышления никоим образом не мешали моему выживанию. Мне нельзя сейчас размазываться мысленной кашей. Мне нужна сосредоточенность. Я должен сфокусироваться на одном — стабилизация своего положения.

Выживание.

Выживание во главе угла.

И этим все сказано.

Я продолжил осмотр. Вскрыл второй сверток. И от удовольствия прищурился так сильно, что, наверное, стал похож на улыбчивого Будду.

Второй сверток содержал сокровища.

Две иголки. Одна вполне современная на вид. Другая из темного металла, чуть искривлена, вместо ушка какой-то «зацеп» для нитки. Есть и намотанная на что-то длинная серая нитка. Небольшой клубочек.

Перочинный нож с источенным от постоянной заточки тонким лезвием. Только лезвие и рукоять. На черной пластиковой рукояти с обеих сторон вытянулась в прыжке белка.

Полпачки таблеток. Мр. Лоперамид. Это лекарство я знаю. От поноса. Настоящий подарок. При отсутствии пищи и лекарств — понос страшная болезнь. Может свести человека в могилу очень быстро.

Горстка пуговиц. Сорок две штуки. И снова в голове пухнет мысленная каша — очень уж разные пуговицы. Металлические со звездами. Пластиковые. Деревянные. Костяные. Да. Деревянные и костяные. Среди пуговиц нашлось и несколько одежных крючков.

Две молнии. Одна короткая, как на моих джинсах. Другая подлиннее, вполне подойдет для мужской куртки. Молнии отпороты бережно. Аккуратно смотаны.

Ключи. От замков врезных и навесных. Штук двадцать. Разные. Парочка крохотных медных. Некоторые наоборот — в половину моей ладони длиной.

Полная на треть аптекарская бутылочка. Внутри мазь. На этикетке изображена церковь, но вместо креста ее купол венчает символ солнца — диск со множеством волнистых лучей. Перед церковью стоит добродушно улыбающийся пузатый священник. Витиеватая надпись гласит: «Мазь от хворей иерарховых». Никаких сведений о дате выпуска и сроке годности.

Открыл. Понюхал. Запах смутно знакомый. Что-то дегтярное. И одновременно очень сильно напоминает запах мази Вишневского. Может, она и есть? Но запах немного отличается. Тут присутствует что-то ментоловое и цветочное, если меня не обманывает нос. Под названием от руки приписано «Заживляет. Очищает».

Закрыв бутылочку, продолжил осмотр.

Телефон. Сотовый. Самсунг. Сенсорный. На вид устаревший — такие были в ходу лет десять назад. Но может и до сих пор кто-то

пользуется — не каждому по карману перейти на современную модель. Вжал кнопку включения. Подержал зажатой. Телефон остался мертв. Либо сломан. Либо, что наиболее вероятно, в аккумуляторе не осталось ни капли энергии.

Автомобильные свечи зажигания. Новенькие. Три штуки. До сих пор лежат в картонных футлярах. СССР.

Четыре многожильных медных провода. Похожи на автомобильные.

Колода игральных карт. Очень потрепанные. Пересчитал. Тридцать три штуки родные. Еще три вырезаны из серого картона. Восстановленные карты — это туз пик, шестерка бубей и валет крестей. Сразу представил, как одинокий узник сидит на лежаке и час за часом раскладывает пасьянс или играет в дурака.

Карманные часы. Серебряные. Немного повозившись, разобрался и открыл крышку. Блестящее стекло без единой щербинки. Обычный круглый циферблат. Римские цифры. Стрелки. И надпись понятными мне буквами, складывающимися в абракадабру.

Тоненькая книжка. Сказки народные. Крупный шрифт. Яркие картинки. Всего четыре сказки. И все мне незнакомы. Первая сказка про морского чертенка, решившего стать добрым волшебником. Вторая про то, как зверята строили дружно укрытие для охромевшего оленя, опасющегося злого охотника. Закрыв книгу. Но проверил название издательства. Из технической информации в первую очередь удивил тираж — сорок тысяч экземпляров. Немало. А название издательского дома: «Издательский дом Трумарион».

Огрызок толстого карандаша. Судя по цвету грифеля, именно им нарисованы три игральные карты.

Деревянное распятие с Иисусом. Иисусу выцарапали на груди крест и отрезали нос. Глубокие надрезы на бедрах и локтях. Жестоко... кому-то явно срывало крышу. И кто-то был очень обижен на Бога.

Пряжка от ремня. Алюминиевая.

Губная помада. Красная. Непочатая. Вот это странновато. Но кто сказал, что сюда не могли замести гая? Или шедший домой муж купил по просьбе жены помаду, но до дома так и не добрался. Помада пересохла.

На этом перечень моего нового имущества заканчивался. Негусто. Но хоть что-то! Мне досталось богатство, накопленное поколениями здешних узников, что тщательно сберегли свои пожитки. Сохранили от сырости.

Вопрос...

От сырости ли прятали вещи в тайнике?

Обычного полиэтиленового пакета вполне бы хватило, чтобы защитить вещи от сырости. А холод им не страшен. Хорошенько запакуй и оставь на столе. Ничего плохого не случится. Но узники предпочли прятать вещи в тайнике, прикрытом лежаком. А единственный на него намек — крохотная пометка-помарка на карте в жестяной коробке из-под мятных леденцов. Не хочу строить из себя гения, но далеко не каждый обратит внимание на эту точку, выглядящую как обычное случайное пятнышко. Что еще опасней — попавший сюда узник может для начала сбрендить от свалившегося на голову несчастья. И в припадке бешенства может запросто разорвать карту в клочки. И тогда все — указание на секретное хранилище окажется утерянным навсегда.

Неужели все эти игры в великую тайну оправданы?

Кого опасались узники?

Опасались ли?

Неужели сюда может прийти кто-то с... с проверкой? С досмотром?

Кто? Некий тюремщик?

Опять множество вопросов и никаких ответов.

И снова я отложу эти вопросы на потом.

Упаковав находки, завязал сверток. Сходил к лежаку и спрятал все в тайник. Поднял и закрепил лежак. Глупо пренебрегать мудростью прошлых сидельцев — быть может, и есть причина так осторожничать. Поэтому пока последую их примеру. Помимо чужих вещей убрал в тайник и собственные предметы. На лежаке остались только одна игла и длинная серая нитка. Возможно, у меня появятся позднее мысли о практическом использовании остального «богатства», но сейчас надо заняться починкой рубашки — где-то я все же зацепил рукав.

Отметил в голове факт, что вино и запас сухарей стояли открыто. То есть за запасы еды и питья опасаться не стоит. А вот любые другие предметы стоит поберечь от чужого ока.

Еще факт — за мной сейчас никто не наблюдает. Эта мысль грызла меня уже давно — что где-то в стене и под потолком установлены камеры. И кто-то прямо сейчас смотрит, как я тут пресмыкаюсь, пытаюсь выжить. Но нет. Никто не наблюдает. Почему я в этом уверен?

Тайник.

Будь тут видеокамеры и некий Наблюдатель, смотрящий за экранами, — местонахождение тайника было бы известно ему.

Я все же убрал вещи в прежний тайник. И продолжал придерживаться прежнего мнения — глупо пренебрегать мудростью предыдущих сидельцев. Если кто-то и приходит сюда с досмотром, этот «кто-то» осматривает камеру самолично. Без помощи видеокамер. Где-то открывается некая дверь. Входит ОН.

Как это происходит?

Проскальзывает бесшумная тень?

Или он входит тяжелой уверенной поступью?

Их несколько?

Они молчат?

Отдают узнику приказы?

Когда это происходит?

А вот тут предположение у меня есть — не при нашей жизни это происходит.

Даже если у узника есть наркота или оружие, или другие опасные или лишние предметы. Что с того? Он сидит в одиночной камере. Единственный, кому он может причинить вред, — он сам. Но куда хуже, если предметы от одного узника по наследству передаются следующему. Это все увеличивающаяся волна накопительства. Предметов все больше. И это уже, теоретически, может создать угрозу... угрозу чему? Опять тупик...

Если я прав, то ОН приходил сразу после смерти моего предшественника. Прошелся по камере. Возможно, что-то забрал. Не притронулся к сухарям и бутылкам. Не коснулся трупа. И ушел. Затем появился я. И скорей всего, в следующий раз ОН придет сюда только после моей кончины...

Но это теория... не больше. Только теория.

Я наведалься к рычагу. Свет тут же мигнул и погас. Дернул за рычаг. Вернулся к столу. До следующего «бонуса» мне надо продержаться несколько часов. Займусь делом.

Вооружившись тряпками, я взялся очищать лежак и стену рядом с ним от грязи. Чистил с тщательностью. Черные наслоения отходили пластами. Обмотав пальцы тряпкой, я проходил по швам между кирпичами, надраивал каменный стол. Грязь летела к полу дождем. Сходив за водой, напился сам, обильно полил стол и стену. Прошелся тряпками еще раз. Вскоре зона моего обитания вернула

себе девственную чистоту. Я приступил к мытью пола вокруг стола. Отскреб полукруг, бросил тряпку для вытирания ног. Готово. Сходил дернуть за рычаг.

Дернувшись, остановился, замер. Прислушался. Нет. Показалось. Вернее, почудилось — будто слышу чей-то далекий шепот. Одиночество творит с человеком странные вещи. Говорят, нет способа лучше понять самого себя, чем оказаться в долгой изоляции наедине только с собой.

Сняв рубашку, продел нитку в иголку, заштопал дыру. Прошелся по всем швам. Нашел те, что грозились расползтись. Добавил там стежков. Старался делать все аккуратно. Вытянув из рукавов нитки, отложил их в сторону. Проверил джинсы. Штанины снизу давно уже начали лохматиться. «Там» мне на это было плевать. Сейчас это даже модно. Здесь же подобное неприемлемо. Я подшил штанины, проверил ткань на крепость. Джинса это джинса. Если носить бережно, джинсы служат годами.

Одна задача выполнена. Иголку и надерганные нитки убрал в тайник. Хотел взять игральные карты, но решил убить время более практично.

Для начала сделал из небольшой пластиковой бутылки стакан. Плеснул туда на палец вина. Щедро разбавил водой. Темно-красное превратилось в светло-розовое. Пригубил. Вкусно. Правда вкусно. Выудил из банки сухарь. Встал напротив стола и принялся разглядывать очищенную от грязи стену.

Тут было на что посмотреть. И не на что.

Стена исцарапана, исчерчена. Здесь отметились многие. Но большинство не старались дать какую-то информацию следующим узникам. Нет. Они просто чиркали что-то от скуки или тоски.

Вот изображен деревенский домик, как его рисуют дети — треугольник поверх прямоугольника. Сверху труба с дымком. Окошко. Рядом прилеплена дверь. Чуть в стороне собачья конура. И косоватая надпись «Дом родной».

Несколько кирпичей испещрены косыми короткими линиями. Каждые шесть штук перечеркнуты по горизонтали. Календарь. Зброшенный календарь. Ведший его либо разочаровался и разуверился, либо умер. Но тут никак не меньше сорока недель.

«Железные колеса рокочут за стеной».

«Смирение — опора моя».

«Верьте — велика цель наша!»

«Дисциплина и железный распорядок — ключи к выживанию! Знай! Помни!»

— Знаю, — отозвался я давно умершему мудрецу. — Помню.

«Все мы устаем. Потому запасайте пищу! Сушите сухари!»

«Сухари лучше всего сушить на тряпичном пологе, поднятом под потолок».

«Вино и ягоды — царское угощенье!»

«Пищи много не бывает!»

«Лень — главная угроза!»

И снова рисунки. Причем один даже талантливый. Легко можно было увидеть широкий луг и небольшую рощу у горизонта. И контуры деревенской хатки, окруженной плетнем.

Сколько людей стояли за этим столом и смотрели на стену? Смотрели часами. Тут особо нечем заняться.

«Лень — главная угроза!» — вот эта надпись особенно актуальна для меня.

Одинокое заключение. Монотонное дерганье за рычаг. Свет потух. Свет зажегся. Рваный ритм сна. Никакой перспективы впереди. Как долго человек продержится в таких условиях? Как скоро он решит послать все к чертям собачьим и для начала хорошенько выспаться? Проспит часов десять. И получит за такую дерзость сполна — придется начинать с самого начала.

Взявшись за тряпку, я продолжил уборку коридора, равномерно расширяя пятно чистоты в стороны. Отчистил противоположную стену коридора. Вымыл пол в пяти водах. Два раза дергал за рычаг. Съел еще один сухарь. Положил на стол сложенную несколько раз тряпку. Сверху поставил гирю. Повесил на место веревку. Рядом ремень. Потратил час на тщательнейшую очистку гири от ржавчины и грязи. Прямо тщательнейшую — то есть любовно и крайне неспешно отчистил спортивный инвентарь от каждого пятнышка.

Я не торопился.

Почему?

Потому что начал осознавать — у меня впереди, возможно, целая жизнь в этих стенах.

Нет. Я не смирился. В голове уйма мыслей. Уйма планов. Уйма замыслов. Но я спрятал их в глубокую мысленную кладовку и запер на пять замков. Рано еще пока. Но я не смирился.

Однако глупо отмахиваться от реальности и верить, что вот сейчас скрипнет замаскированная дверь и пригласят на выход,

пригласят в свободу. Пусть в душе я рвусь на волю. Но придется здесь задержаться.

Ограниченное пространство.

Мало действий.

Море рутинной работы — дерганье рычагов иначе не назвать.

Скоро только она и останется — навязанная рутина.

Побочные действия быстро кончатся — уборка, штопка, чистка стен и так далее.

И начнется безделье...

А безделье — отец всех пороков.

Не знаю, как для женщин, но для мужчины нет врага страшнее, чем безделье.

Стоит мужчине закинуться — и ему конец! Из слитка закаленной стали он превратится в брусок сливочного масла, лежащий на солнцепеке.

Для себя такого исхода я не допущу. Я всегда найду себе работу. И выполню ее предельно хорошо!

Взяв гирию, отнес ее к ледяной стене, перегородившей коридор. Потратил пять минут на разминку мышц. Примерился к истончавшему ледяному языку. Расставил ноги для устойчивости. Рывком поднял гирию на плечо. И с замахом опустил ее на ледяной горб языка. Лед поддавался легко. С легким треском промялся. Глубокая вмятина наполовину заполнилась водой. Я повторил процедуру. Всего десять раз. Десять ударов по разным местам ледяного языка. Во все стороны разлетелись брызги и ледяное крошево. Мог бы сделать еще несколько взмахов пудовой гирей. Но предпочел поберечь силы. Взялся за гирию другой рукой и потащил ее обратно к столу. Там поднял. Поставил на край и накрыл просыхающей тряпкой.

Отдыхая, чуть посидел на краю стола, свесив ноги и легонько ударяя пятками о кирпичи.

Когда свет погас, я был готов и уверенно потянул за рычаг.

Пятнадцатый раз с интервалом в двадцать четыре минуты.

Свет зажегся.

Что изменилось?

Внешне — ничего. Тот же поток теплого воздуха. Та же яркость освещения.

Но, если все идет как задумано, теперь временной интервал увеличился с двадцати четырех до сорока восьми минут.

И еще — когда я потянул рычаг, произошло кое-что новое. Я отчетливо услышал металлический щелчок, донесшийся от раздвижного люка «клетки». Главное — не терять времени. Тут все завязано на секунды. Дойдя до туалета, я первым делом проверил люк. Все нормально. Открывается и закрывается. Стало быть, это рычаг номер два.

Взявшись за холодную рукоять, вздохнул и потянул заблокированный рычаг. Он поддался. Плавно пошел вниз. Щелкнул. Вернулся назад.

Меня мягко толкнуло в ноги и шатнуло спиной назад.

Так бывает, когда стоишь в трогаящемся с остановки автобуса.

Взмахнув руками, я сохранил равновесие. Замер в неподвижности, прислушиваясь к коридору и собственным ощущениям. Не изменилось ничего... хотя... меня толкнуло в ноги еще раз. Опять потянуло назад. Скорость увеличилась...

Если я все правильно понял, то едва я дернул за второй рычаг, как вся моя тюремная камера пришла в движение. Вся целиком. Как железнодорожный вагон с единственным пассажиром.

Рывок. Толчок. И поехали...

Я стоял совершенно свободно. Не ощущал больше никаких колебаний стен и пола — имевших место только что.

«Кто работает — тот ест! Работает, когда келья в движении!»

Это настенное изречение обрело смысл и актуальность в моих глазах.

Я сделал огромный шаг вперед. Довел временной интервал до сорока восьми минут. Разблокировал второй рычаг. С его помощью привел в движение келью тюремную. И вот я в пути...

И теперь должна открыться кормильня. Вопрос в том, ког...

Раздался мелодичный протяжный звон. Он донесся с противоположной стороны коридора. И там же в стене вспыхнула три раза зеленая искра. Заметит глухой, услышит слепой.

Через четыре секунды — машинально отсчитал про себя — звон и вспышки зеленого света повторились. А следом послышался отчетливый металлический лязг. Открылась?!

Я рванул с места как олимпийский спринтер. Я так старался. И будет глупо, если попросту не успею и кормильня закроется — а она вряд ли будет стоять открытой долго.

Посмотрим, что мне послали тюремщики.

Посмотрим, что за яства приготовили они мне для первого ужина.

Глава 3

ЕДА — А ЗНАЧИТ, И НАДЕЖДА

Лишившись всего, человек быстро понимает, что для счастья ему на самом-то деле нужно совсем немного. Он вполне может довольствоваться малым. И при этом удовлетворять все свои нужды.

Я привык питаться фастфудом, но периодически захаживал в дорогие рестораны. Наслаждался кулинарными творениями признанных шефов, мастеров высокой кухни. Каких только блюд не пробовал! Чего только не едал и не пивал! Настолько себя избаловал, что, казалось, навсегда утратил то чувство детского восторга, когда пробуешь новое для себя блюдо и внезапно ощущаешь взрыв невероятного вкуса, заполнившего рот.

Когда пробуешь...

А тут я ощутил ликующий восторг еще до того, как прикоснулся к посланному кушанью.

Я ощутил подлинную незамутненную радость еще за три шага до открывшейся кормильни.

Рот наполнился слюной. Я вновь ощутил себя ребенком, что в нетерпении приплясывает подле матери, готовящей ему вкуснейший бутерброд с колбасой.

Протянув руки, я взял еду. Мелодичный звон. Последняя зеленая вспышка — свет исходил из заросшей темной грязевой пленкой щели между кирпичами над нишей. С лязгом кормильня захлопнулась.

Состоялось.

Узник получил еду.

Повернувшись, я поторопился к столу. Меня снедало нетерпение разглядеть угощение. Еда жгла мне руки — в буквальном и переносном смысле.

Опустив свою ношу на чистую тряпку, служащую мне полотенцем, я отступил на шаг и рассмотрел «паек». Еда удивляла внешним видом. И еда выполняла роль посуды для себя самой.

Толстая прямоугольная лепешка, что обжигала мне руки. Она запечена до темной румяной корочки. Поверх первой лепешки стоит лепешка поменьше. Именно стоит — вторая лепешка запечена в виде неглубокой тарелки. В тарелке какое-то густое зеленоватое пюре с темными вкраплениями. Рядом с тарелкой солидный кусок